

Марио Якоби
«Встреча с аналитиком»

Выполнила
Сарыглар Ш-Ч. О.
7.5.01 группа

Одна из главных идей Юнга заключается в том, что перенос следует рассматривать как дефицит реальных человеческих отношений, «затруднения в установлении контакта, достижении эмоциональной гармонии в отношениях между врачом и пациентом». Чувства при переносе возникают для компенсации недостаточной эмоциональной связи. Поэтому Юнг утверждает следующее:

Если вы действительно пытаетесь находиться на одном уровне с пациентом, не выше и не ниже, если у вас есть верная установка, верное ощущение, то у вас будет значительно меньше неприятностей с переносом. Это полностью не спасет вас от него, но я почти уверен, что в вашей работе не возникнут такие неприятные формы переноса, которые, по сути, являются гиперкомпенсацией недостаточной эмоциональной связи.

Юнг признавался:

«Мой собственный опыт научил меня держаться как можно дальше от терапевтических «методов», как и от диагнозов. Огромное разнообразие человеческих индивидуальностей и их неврозов привело меня к тому, что идеальный подход к каждому случаю предполагает минимум априорных предположений. Естественно, что в идеале вообще не должно быть никаких допущений.»

Встреча с аналитиком

- ◆ Когда идет речь о практике юнгианской психотерапии, имеется в виду встреча двух людей, которые вместе пытаются понять, что происходит в бессознательном одного из них.
- ◆ Если мы хотим исследовать бессознательное, крайне важно не только получить максимально полное представление о том, что происходит между сознательной деятельностью пациента и его бессознательными реакциями, или компенсациями, которые проявляются в его сновидениях. Но так же обратить внимание на отношения между аналитиком и пациентом.
- ◆ Аналитические отношения могут быть не менее сложными, чем любые близкие отношения. С обеих сторон рождаются бессознательные фантазии, обусловленные базовыми жизненными потребностями. К тому же они могут влиять на процесс анализа, вызывая сопротивление, сильные иллюзии, относящиеся и к аналитику, и к пациенту, или же провоцируя переход существующих отношений в сексуальные.

В настоящее время возникновение таких эмоциональных отношений общеизвестно. Для обозначения этих бессознательных проекций существуют специальные понятия: перенос и контрперенос — в соответствии с направлением проекций.

Аналитику очень важно обладать обостренной чувствительностью к тому, что происходит между участниками аналитического процесса. За проявлением реальных человеческих отношений может скрываться перенос; или же отношения, которые иногда интерпретируются как перенос, могут оказаться подлинными.

Взгляд З. Фрейда на перенос

Фрейдом была создана ясная, логически построенная теория переноса: переживания раннего детства переносятся на аналитика, а чувства и эмоции, которые появляются в процессе анализа, представляют собой повторение чувств и эмоций, впервые возникших в детском возрасте. Одновременно мы приобретаем метод работы с переносом: интерпретацию мотиваций с целью превращения повторений в воспоминания. В этом случае важное значение имеет принцип абстиненции, запрещающий аналитику любое проявление эмоций. Метод лечения логически вытекает из теории Фрейда о структуре психики и наличия феномена переноса.

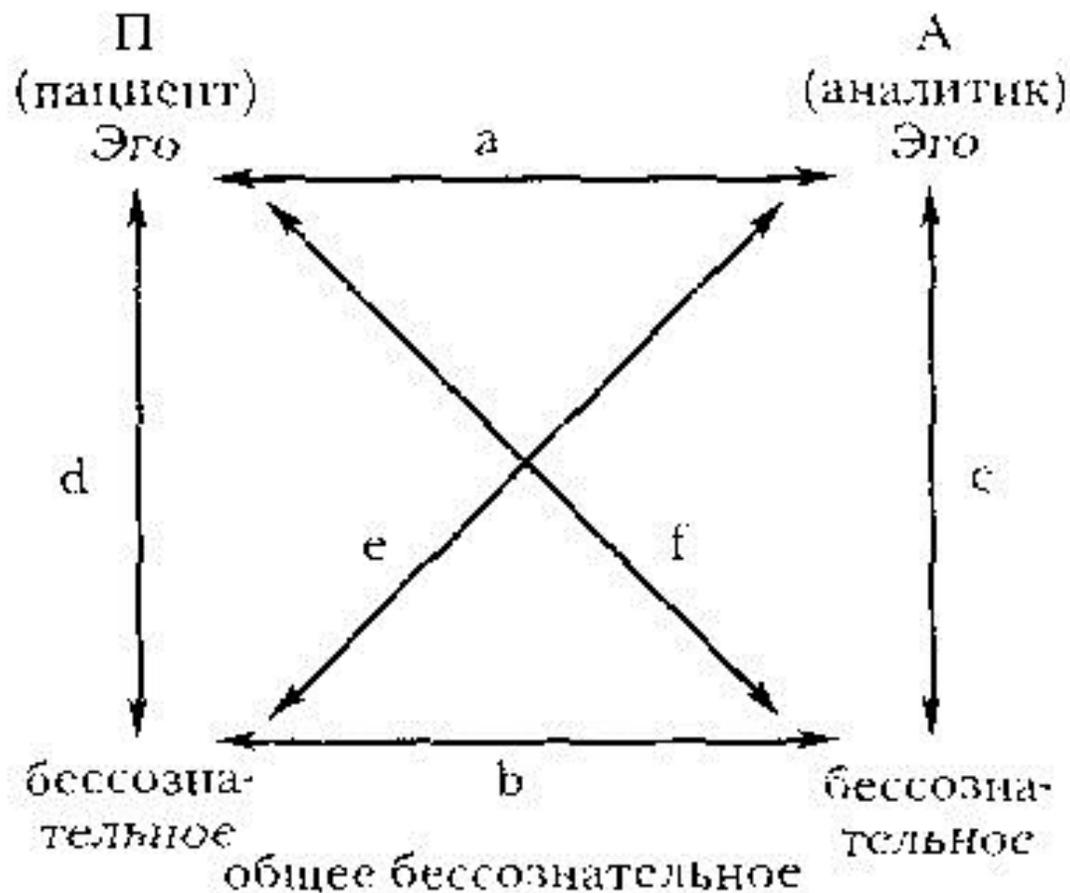
Взгляд Юнга на перенос

Если при переносе всплывает бессознательное архетипическое содержание, то скрытые в переносе мотивации не могут считаться только повторением ситуаций из личной жизни. В бессознательном мы находим и ростки будущего развития, которые могут достичь сферы сознания и постепенно интегрироваться с ним.

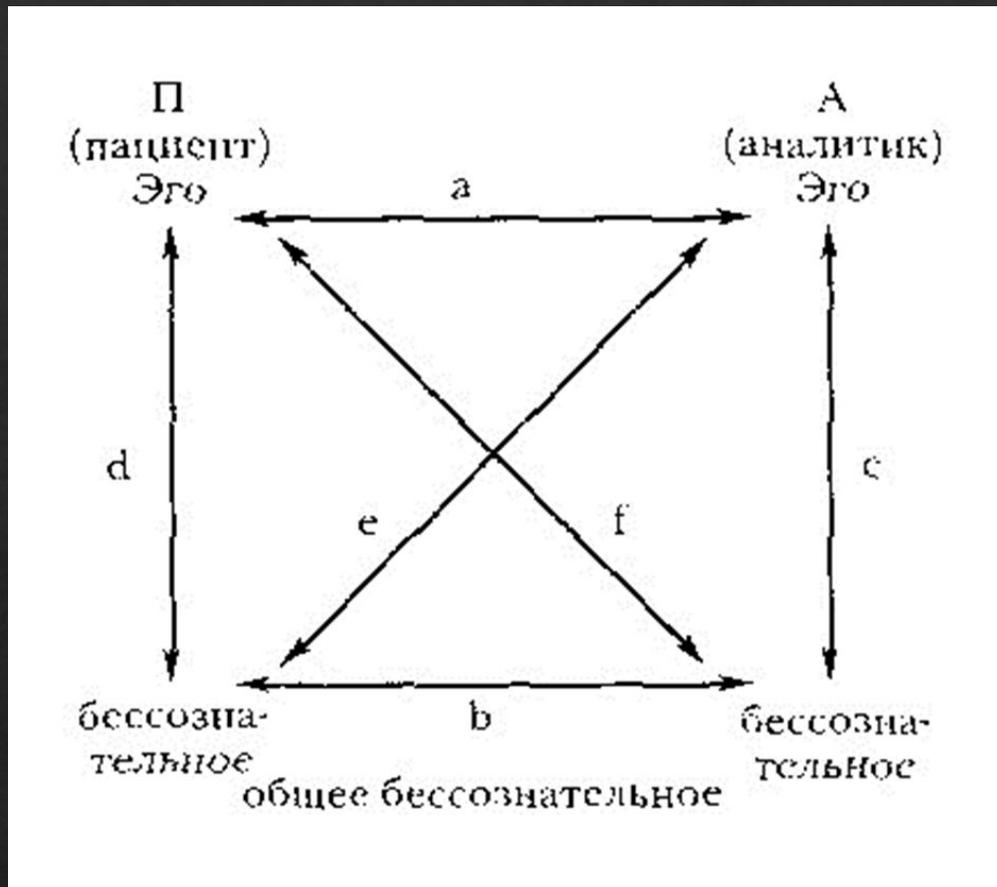
Наблюдение за тем, какое именно содержание проецируется, дает аналитику возможность определить, в какой области для пациента необходимо усилить степень осознания. Содержание проекций включает не только повторения, обусловленные вытесненным материалом. В проекции может проявиться впервые новое, творческое, но еще не осознанное содержание психики. Таким образом, за особенностью оттенков, форм и содержания, проявляющихся при переносе, часто скрывается внутренний процесс самореализации, который Юнг назвал индивидуационным процессом.

В этом заключается один из самых важных инсайтов Юнга, связанный с феноменом, который называется переносом. Вполне понятно, что при таком подходе работать с переносом значительно сложнее. Теряют смысл все прежние правила и техники работы. Юнгианский аналитик сталкивается с самыми тонкими и сложными и вместе с тем — с очень ценными для него отношениями переноса.

Перенос и контрперенос Юнгианская модель

Фактически полный диагноз, а также интерпретации и выводы, которые может сделать А, исходя из материала П, основаны на ощущениях и чувствах А. И здесь мы сталкиваемся с каверзным вопросом: действительно ли А адекватно воспринимает П? Соответствуют ли выводы, ожидания и чувства А реальному состоянию психики П, или же А проецирует на П содержание собственного бессознательного (линия f)? Кто это может точно знать?

«Наверное, самое важное качество А — это его готовность постоянно сомневаться в своей точке зрения, своих реакциях, чувствах, эмоциях и мыслях в каждой новой ситуации, не теряя при этом своей спонтанности. Он должен сознавать постоянную возможность наличия у себя проекций.» (Якоби)

А ничуть не меньше П оказывается включен в аналитический процесс. А должен осознавать свою потребность в достижении власти или потребность оказаться в роли отца или матери, чтобы уметь контролировать эти свои потребности и бессознательно не искать их удовлетворения в аналитических отношениях.

Сегодня каждый юнгианский аналитик знает, что лечить — это не его работа. Помощь может прийти только через изменение установки пациента, вследствие формирования у него правильного отношения к своему бессознательному. Но бессознательно попадая в ловушку архетипа целителя, аналитик может переусердствовать в применении своих знаний и бежать впереди паровоза. Эмоциональная потребность в оказании помощи ищет своего выхода.

Влияет ли перенос на сновидения?

Сточки зрения Юнга, сновидения — это самостоятельные, спонтанные события, не подверженные прямому воздействию. Последователи Фрейда в основном придерживаются мнения, что перенос оказывает на сновидения очень существенное влияние, например, желание пациента сделать аналитику приятное может вызывать сны, которые ему понравятся или им ожидаются, которые совпадают с его гипотезой или концепцией. Следовательно, в зависимости от точки зрения аналитика должны существовать «фрейдистские» и «юнгианские» сны.

Как только начинается процесс анализа, содержание аналитических бесед занимает наше сознание, и на это следует соответствующая реакция бессознательного. Верно и то, что мы полностью осознаем: в дальнейшем мы будем обсуждать это сновидение с аналитиком. В какой-то мере наши сны больше не принадлежат только нам. Осознание этого накладывает отпечаток на содержание сновидения. Поэтому очень часто сны содержат некое послание, обращенное к аналитику.

Нарциссизм и перенос

Зеркальный перенос

Согласно Кохуту, зеркальный перенос возникает из базовой и жизненно важной человеческой потребности в «эмпатическом». Чтобы себя узнавать, каждому из нас нужно смотреться в зеркало, и, чтобы ощущать свое бытие, признание со стороны окружающих и ценность, которую мы для них представляем, все мы испытываем потребность в эмпатическом резонансе. Тогда у нас появляется ощущение собственной ценности. (Миф про Зевса и появление Муз)

Пациентам, у которых есть зеркальный перенос, обычно свойственно искажение отражения в раннем детстве, поэтому у них возникают проблемы в самоопределении и идентификации, а также в ощущении своего полноценного существования в этом мире. У них развились сверхчувствительные «сенсоры», ощущающие малейший признак возможного отвержения, которое травматически воздействует на ощущение ими своего Я. Единственной защитой от этой постоянной угрозы становится гиперкомпенсирующее убеждение: я ни в ком не нуждаюсь, я могу быть абсолютно самодостаточным. Фактически так осуществляется бессознательная идентификация с детским ощущением всемогущества, по терминологии Кохута, — с грандиозным Я.

Цель столь желаемого процесса трансформации обычно состоит в снижении зависимости от внешнего отзеркаливания посредством возрастающего ощущения реалистичной самооценки и сопутствующего ему ощущения индивидуальной автономии.

Нарциссизм и перенос

Идеализирующий перенос

Самооценка может развиваться и поддерживаться лишь в том случае, если отсутствует слияние с идеализированным объектом самости и появляются другие идеалы, стимулирующие развитие полноценных межличностных отношений и достижения согласия. То же самое относится к идеализирующему переносу: при оптимальном протекании процесса анализа пациент постепенно испытывает разочарование, обусловленное ограничениями аналитика, и это приводит его к «изменяющей интериоризации». Аналитику очень важно уметь терпеливо относиться к ситуации, в которой он является для пациента идеализированной фигурой, так как резкое разочарование может привести к травматическому результату и свести на нет весь аналитический процесс.

Способность к идеализации проявляется уже в младенческом возрасте и сохраняется на протяжении всей человеческой жизни. Она, безусловно, связана — а часто полностью совпадает — с феноменом, который юнгианцы называют творческой архетипической фантазией.

Идеализирующий и зеркальный перенос в той или иной мере возникает во многих ситуациях анализа. Часто происходит периодическое смещение от одного типа переноса к другому и обратно, но иногда они могут появляться почти одновременно.

Нарциссизм и перенос

Зеркальный перенос, идеализирующий перенос и архетипический перенос — это термины, обозначающие бессознательные переживания пациента по отношению к аналитику. Они связаны с бессознательной потребностью пациента использовать своего аналитика определенным образом. Термины «иллюзорный» и «галлюцинаторный», употребляемые в связи с феноменом переноса, применяются для того, чтобы указать на ту степень, в которой аналитик может восприниматься как реальная личность, несмотря на существование переноса. Каждый перенос является иллюзорным. Аналитик воспринимается пациентом не только как реальная личность, но и как если бы он был, например, всеведающим. Чем больше галлюцинаций содержится в переносе, тем меньше аналитик может восприниматься как реальный доктор X. В крайнем случае, если у пациента совершенно отсутствует способность к символическому восприятию «как если бы», он просто «становится» воплощением проекций. Поэтому зеркальный, идеализирующий и архетипический перенос могут проявляться и иллюзорно, и галлюцинаторно.

Вместе с тем в реакции аналитика на пациента может проявляться не только иллюзорный, но и галлюцинаторный контрперенос. При проявлении последнего можно говорить о том, что в аналитической ситуации в отношениях между аналитиком и пациентом имеет место *folie a deux* (Обоюдное сумасшествие (фр.).).

В каждом случае перенос частично оказывается иллюзорным, поскольку в нем присутствуют фантазии, которые могут изменять «реальность» или, по крайней мере, как-то ее окрашивать. Что касается контрпереноса, если он не является ни иллюзорным, ни галлюцинаторным, — то осознавший его аналитик может прийти к взаимодействию с более или менее осознанными фантазиями, чтобы затем их использовать в процессе анализа.

ПЕРЕНОС И ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ

Установки Я-ОНО и Я-ТЫ

Установка Я-Оно может означать, что внешний мир и все окружающие люди воспринимаются человеком как объекты. Разумеется, это восприятие может происходить на многих уровнях. Люди могут быть предметом моих размышлений и моей критики, но вместе с тем я могу их рассматривать и как объекты, удовлетворяющие мои потребности или вызывающие у меня страх, а это значит, что человек сознательно или чаще бессознательно использует окружающих его людей.

Установка Я-Ты предполагает отношение именно к той истинной сущности другого, которая отличает его от остальных, в том числе и от самого Я. Это означает, что Я во всей своей целостности относится к Ты во всей его целостности. У меня может быть сознательная установка, в соответствии с которой я допускаю, что другой человек имеет право на свою жизнь, и потом) 'считаю, что не отношусь к нему как к объекту для достижения своих целей и удовлетворения собственных потребностей.

Бубер понимает установку Я-Ты совершенно по-иному. Именно это отношение в мироощущении ребенка и архаичного человека он считал первичным, а вторичной — установку Я-Оно. Видимо, он не отличал мистическую сопричастность от зрелого отношения к истинной сущности другого.

Для Бубера отношение Я-Ты присутствует здесь-и-теперь, оно сиюминутно: безотносительно к тому, будет ли оно бессознательной сопричастностью или осознанной установкой по отношению к истинной сущности присутствующего здесь другого человека. Установка Я-Оно подразумевает выбор в качестве объекта кого-то или чего-то, чтобы о нем думать, бессознательно или осознанно его использовать.

Установки Я-ОНО и Я-ТЫ

Аналитический психолог Розмэри Гордон называла перенос «основой анализа». Она также использовала буберовскую парадигму двух разных отношений Я-Ты и Я-Оно, полагая, что в процессе аналитической работы над переносом установка Я-Оно постепенно смещается в сторону установки Я-Ты.

Говоря об отношениях, которые мы называем переносом, вряд ли можно утверждать существование Ты как другого целостного субъекта. В этом случае другая личность считается объектом для удовлетворения моих потребностей, желаний, фантазий и страхов. Другой не рассматривается как реально существующая личность, а выступает в качестве экрана для проекций содержания моей психики. Другая личность ощущается исключительно как часть меня самого, а вовсе не как полноправное Ты. Именно это обстоятельство является главной причиной появления в отношениях между людьми многочисленных затруднений и недоразумений.

Отделение и объективность

Осознание в значительной степени означает отделение — отделение тех качеств, которыми обладаю я, от тех, которые принадлежат моему партнеру. Для этого я должен осознать свои внутренние мотивы, т.е. свое внутреннее ощущение динамики отношений — наряду с потребностью моего партнера в том, чтобы стать частью Оно, а значит, в какой-то степени стать объектом для рефлексии. Тогда я должен прийти к более объективному представлению о содержании этих отношений. В таком случае установка Я-Ты включает установку Я-Оно. Субъектность моего партнера в соответствии с ее воздействием на меня и тем, насколько она существует и проявляется независимо от меня, тоже должна стать объектом моего осознания.

Явление, которое мы, по сути, называем переносом, как правило, в той или иной мере привносит частичное искажение в наше восприятие субъектной целостности другого человека и влияет на наше мнение о нем. Перенос возникает из нашей бессознательной потребности видеть данного человека в определенной роли.

На любые человеческие отношения в той или иной мере влияет перенос, или бессознательные проекции. Как сказали бы экзистенциалисты, наши отношения должны соответствовать нашей собственной картине «мироздания». Чем больше мы себя осознаем, тем больше отличаем себя от другого. Тем не менее у нас должна быть общая длина волны, на которую мы можем настроиться.

Эмпатическое отношение к реальному бытию других людей или других групп подрывает корни ненависти и агрессии. Именно поэтому Бубер отмечал, что его идея отношения Я-Ты является исключительно важной для общества в целом.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ В ПРОЦЕССЕ АНАЛИЗА

Кушетка и кресло

В отличие от Фрейда и даже от современных психоаналитиков Юнг в процессе анализа предпочитал иметь дело с реальными человеческими отношениями, а не с переносом и его интерпретацией.

Это предпочтение сказывается уже на типичной для юнгианского аналитика организации пространства кабинета: аналитик и анализируемый сидят в креслах лицом друг к другу, как два обычных человека. Аналитик может спонтанно реагировать на любые самовыражения пациента. Он не ограничивается применением набора специальных технических приемов, а тоже может высказывать свои мысли и проявлять свои реакции и чувства, которые он испытывает, как любой другой человек. В таком случае пациент может что-то узнавать о личности аналитика, наблюдая за его реакциями и воспринимая его как Ты, т.е. как другого человека. Находясь на одном уровне с аналитиком, пациент говорит с человеком, которого может видеть перед собой. Таким образом, внешне аналитическая ситуация практически ничем не отличается от обыкновенного разговора или дружеской беседы, происходящей с глазу на глаз.

С точки зрения Юнга, ключевой момент анализа содержания бессознательного — это работа, связанная с интерпретацией сновидений, тогда как для классического психоанализа он связан с интерпретацией переноса. Таким образом, вполне возможна ситуация, когда в процессе юнгианского анализа аналитик и анализируемый сидят друг к другу лицом, испытывая взаимный сознательный интерес. Анализируя сновидения, они оба стараются получить какие-то инсайты относительно содержания бессознательного. Иногда оказывается, что образ аналитика не доминирует в снах пациента, и тогда не приходится говорить о наличии переноса. И для аналитика, и для пациента такое необременительное сотрудничество представляет высокую ценность и существенно влияет на реальный процесс «личностного роста». Пациент воспринимает аналитика как вполне реального доктора X, и в определенных рамках они могут достичь глубокого понимания материала бессознательного, который подвергается анализу. Когда становится доминирующей установка Я-Ты, они оба испытывают теплое чувство, похожее на дружескую симпатию.

Психоаналитик, работающий в парадигме ортодоксального фрейдовского психоанализа, каждую фантазию и каждый сон связывает с переносом. Это получается слишком навязчиво, а часто и на самом деле бывает довольно навязчивым. Неоспоримо, что чувствительность в отношении нюансов, связанных с переносом, в классическом психоанализе значительно выше по сравнению с аналитической психологией. Именно поэтому юнгианский аналитик должен быть очень предусмотрительным, чтобы не впасть в другую крайность и не замечать переноса там, где он скрыто присутствует.

Явление переноса и интерпретация сновидений

Стремление засыпать снами аналитика может служить защитой от страха перед его критическим отношением, которое может разрушить оставшуюся часть самооценки пациента.

Пациент приходит за помощью — это его сознательная мотивация — и делится с аналитиком своими сновидениями в надежде получить исцеляющий инсайт. Но бессознательно аналитик становится для пациента объектом, на который направлен его страх. Пациент не верит аналитику, ибо у него в детстве было нарушено доверие к другому человеку, отцу или матери, в рамках отношения к Ты. Тогда в отношении пациента к аналитику возникает некий компромисс, и постоянные рассказы о новых сновидениях напоминают умиротворяющее кормление льва, чтобы тот не злился и не нападал на человека.

Интерпретация сновидений идет тяжело из-за защит пациента. Терапевту приходится примерять на себя много ролей, чтобы преодолеть это препятствие. И нужно много терпения.

Архетипические корни переноса

У переноса всегда есть архетипические корни; он всегда связан с удовлетворением инстинктивных влечений и фантазий. Разумеется, открытый Фрейдом эдипов комплекс является архетипическим. Архетипичен вообще любой феномен переноса.

Если пациент в существенной мере воспринимает аналитика как любящую мать, значит, мы имеем дело с архетипической Великой Матерью и ощущением безопасности, которое он испытывает, находясь в нее на руках. Иногда эту роль может на себя взять его кровная, родная мать. В результате переноса аналитик становится для пациента символом Великой Матери, и тогда пациент в той или иной мере стремится получить от аналитика материнское внимание и заботу.

Несмотря на архетипическую природу переноса, сами архетипы проявляются в определенных обстоятельствах, специфичных для каждого конкретного человека. Базовые архетипические потребности ребенка в личностном развитии могут быть искажены из-за переживаний фрустраций и запретов, с которыми он сталкивается во внешнем мире.

Контрперенос и отношение Я~Ты

Самое главное для аналитика — осознавать свои чувства, которые он испытывает по отношению к пациенту: что он чувствует перед его приходом, во время сессии и по ее окончании.

Поэтому аналитику следует оттачивать «инструмент», позволяющий ему определять ожидания пациента и роль, которую он бессознательно возлагает на аналитика. Это дает ему возможность осознать природу контрпереноса, который также может исказить ситуацию; а способность отличать одно от другого, несомненно, является самым важным инструментом для каждого аналитика.

В общем случае можно сказать, что в обстановке юнгианского анализа, когда пациенту предоставляется полная свобода выбора, чуть раньше или чуть позже выясняется, что представляет собой аналитик. Здесь реальная человеческая сущность аналитика оказывается гораздо более очевидной, чем при наличии кушетки. Его индивидуальные реакции неизбежно разрушают фантазии переноса, которые, с одной стороны, способствуют анализу, а с другой — ему мешают. Как уже отмечалось ранее, они могут мешать, если перенос останется незамеченным, и способствовать, если он приводит к установлению реальных человеческих Я-Ты-отношений между аналитиком и пациентом. Если поведение аналитика не удовлетворяет бессознательным ожиданиям пациента, то, по крайней мере, можно рассчитывать на возможность более или менее быстрого осознания им существующих проекций.

КОНТРПЕРЕНОС И ПОТРЕБНОСТИ АНАЛИТИКА

Способность аналитика формировать Я-Ты-отношения

Чтобы достичь профессионального успеха или, по крайней мере, соответствовать своей профессии, аналитик должен обладать многими важными человеческими качествами. Первое, о чем следует упомянуть, — это спокойствие и способность концентрировать внимание, в том числе и на содержании высказываний пациента. Но все же самое важное его качество — это способность устанавливать Я-Ты-отношения, о которых шла речь в двух предыдущих главах. Умение видеть в пациенте другого человека и в соответствии с этим к нему относиться — такое качество аналитика можно считать даром судьбы.

Отношения Я-Ты для аналитика заключаются в том, чтобы, образно говоря, «одна его нога была внутри, а другая — вне этих отношений». «Одна нога внутри» означает наличие эмпатии и эмоциональную включенность в переживания пациента. «Другая нога вне» — это способность посмотреть на пациента со стороны, соразмеряя свою эмпатию с общей психологической ситуацией и личностным развитием пациента.

Плата за анализ

Проблемы, связанные с оплатой терапии, особенно характерны для начала практики специалиста. Аналитик часто испытывает потребность в любви пациентов, чтобы свободно работать и чувствовать определенную уверенность в себе, и на пути к удовлетворению этой потребности могут возникнуть вопросы оплаты.

Вопросы, связанные с оплатой, часто имеют отношение к сознательной или бессознательной самооценке аналитика. В начале своей практики аналитики обычно чувствуют себя менее свободно, и тогда у них неизбежно проявляется склонность занижать плату за анализ. Однако бывают случаи, когда это отсутствие свободы гиперкомпенсируется и проявляется в чрезмерном завышении суммы. Можно не сомневаться в том, что пациенты, которые много платят за анализ, часто воспринимаются аналитиком как более серьезная угроза по сравнению с пациентами, которые платят меньше. В один прекрасный момент у аналитика может появиться мысль, что у пациента, который платит за анализ большую сумму, существуют в отношении него такие же высокие ожидания. Такая установка тоже может указывать на существование контрпереноса. Его идеальное Эго, или внутренний идеальный аналитик, пугает его, что он не такой уж высокий профессионал и что его работа не стоит таких денег; этот внутренний страх при контрпереносе может проецироваться на пациента.

Потребность аналитика в терапевтическом успехе

У аналитика есть и другая потребность, удовлетворение которой он иногда бессознательно возлагает на пациента. Эта потребность в успехе психотерапии, т.е. в значительном улучшении состояния психики пациента. Обучающихся аналитиков очень часто беспокоит возможность достижения успеха, ибо он дает основания определить одаренность того или иного стажера и его соответствие избранной профессии. Как правило, аналитики начинают бояться за свою репутацию, если их попытки лечить людей не достигают успеха. Таким образом, пациент превращается в объект, необходимый аналитику для повышения его репутации.

Если аналитик осознает свою обиду на пациента, в состоянии которого не наблюдается заметных улучшений, ему очень важно отметить возникшие у него чувства, свидетельствующие о наличии контрпереноса. Причиной такого контрпереноса могут послужить фрустрированная потребность аналитика в доказательстве самому себе, что он является успешным, или же наличие у него скрытого чувства вины.

В таких ситуациях неоценимыми качествами для работы являются наблюдение за реакциями контрпереноса и умение отличать, какая из них принадлежит самому аналитику, а какая может бессознательно вызываться поведением пациента.

Само по себе последовательное подкрепление сознательной установки обладает высокой терапевтической ценностью и не так уж редко приносит удовлетворительные результаты. Было бы опаснейшим предрассудком представлять себе анализ бессознательного в качестве единственной панацеи, к помощи которой следует прибегать в каждом случае.

Власть, любопытство и чувство собственности

Кроме потребности в успехе анализа, у аналитика существует множество других базовых человеческих потребностей, которые стремятся найти удовлетворение в профессиональной деятельности. Если оставить их без внимания, они могут проникнуть в контрперенос через «черный ход» бессознательного.

Так, например, стремление к власти любого человека выражается в важнейшей потребности в укреплении Эго и поиске соответствующего места в обществе. Разумеется, это стремление есть и у аналитика, оно существует и в процессе анализа. Очень часто у пациентов бывает склонность к зависимости от аналитика, которая проявляется в проекции на него огромной власти.

Сюда же можно отнести бессознательное чувство собственности. Со стороны аналитика оно может проявляться в чувстве ревности: «Это мой пациент. Я хочу с ним работать и добиваться его личностного роста, и никто не имеет никакого права вмешиваться в мою работу!» Такая установка может быть названа комплексом Пигмалиона или спасителя. Эти чувства тоже можно рационализировать, объясняя их присутствие настоятельной потребностью пациента в терапевтической помощи.

Следует сказать несколько слов о любопытстве аналитика. Для его профессии совершенно естественно проявлять интерес к мельчайшим подробностям интимной жизни пациента, его сексуальным отношениям, взаимоотношениям с другими людьми, которые могут быть знакомы аналитику. Опасность может заключаться в том, что он может использовать время пациента для получения информации, не имеющей никакого отношения к анализу.

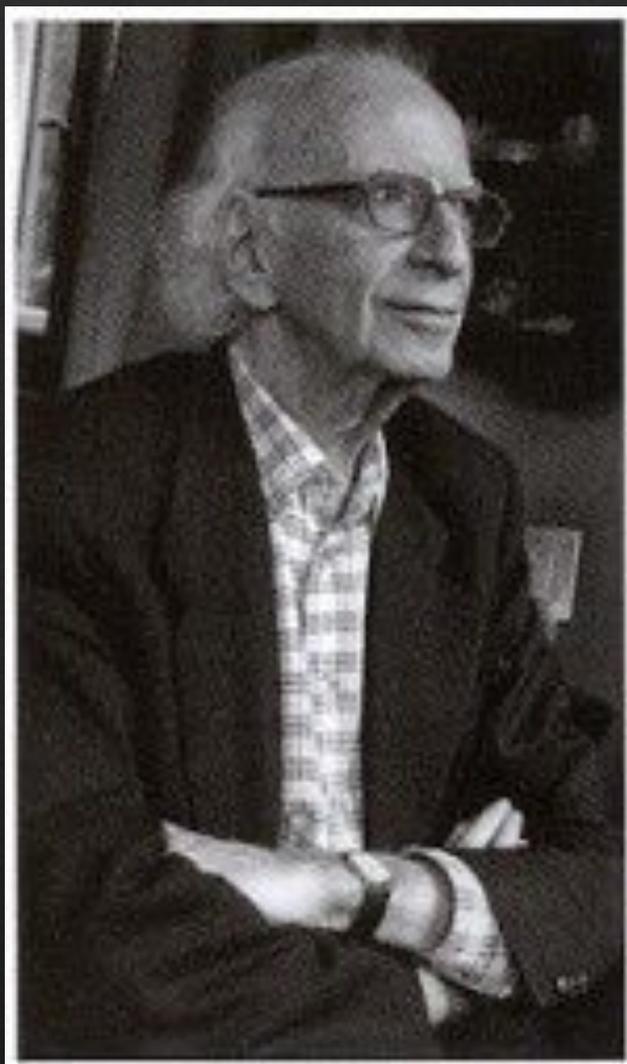
Другой опасностью при контрпереносе может стать скрытая потребность аналитика прожить через своих пациентов те стороны своей жизни, которые он не проживает или не может прожить сам. Пациенты могут служить аналитику источником информации, средством общения; привносить в его жизнь особые оттенки, боль и страдания, тем самым заставляя его чувствовать себя значимым, полезным и живущим полноценной жизнью. В таком случае анализ может оказаться для аналитика заменой его личной жизни.

Когда говорится об исключительно сложной и тонкой работе аналитика, почти никогда в полной мере не упоминается очень важное обстоятельство: он должен быть честен по отношению к самому себе. Здесь идет речь и о том, что в целом его жизнь должна действительно соответствовать его личности. Делать что-то для души, заниматься интересной научной или творческой работой, общаться с друзьями, выезжать на природу, получать удовольствие от сексуальной жизни, брать отпуск и действительно радоваться жизни — все это требует затрат времени и энергии, не связанных с пациентами, но серьезно влияет на эффективность профессиональной деятельности аналитика. Если человек сам не знает, как ему жить, каким образом он собирается помогать получить это знание своим пациентам?

ЭРОТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ АНАЛИЗА

Наличие эротического переноса/контрпереноса накладывает на обе стороны тяжелое бремя ответственности. Это справедливо для любой разновидности анализа, но особенно для юнгианского, когда аналитик не обучается специальным техникам работы с таким типом переноса. Единственной надежной защитой для юнгианского аналитика является твердая убежденность в цели аналитического процесса, т.е. уверенность в том, что независимо от тех отношений, которые проявляются в процессе анализа, — страстных и требовательных призывов или взаимного уважения, свидетельствующего о наличии истинного Я-Ты-отношения, функция аналитика заключается в том, чтобы служить голубю, т.е. процессу индивидуации.

Решая сложные проблемы, возникающие при переносе, психотерапевт прежде всего должен чувствовать себя более комфортно, осознавая значение своей деятельности. Он не просто работает на благо конкретного пациента... но в той же мере он работает и на самого себя и на благо своей души, и, поступая таким образом, он, быть может, сеет крохотные зернышки в масштабе души вселенской.

Спасибо за внимание!